

Буряк В.В.

ОТ «СОБЫТИЯ» К «ИСТОРИИ»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ.

«История учит нас...»; «История ничему нас/вас не научила»; «Историческая память»; «Забвение прошлого, истории». Эти и подобные им фразы звучат уже века, как голос с небес, принадлежащий, быть может, самой Истории. Тотальность и анонимность – таковы неотъемлемые ее свойства. «Отдаленные времена покрыты тьмою, а описывать дела веку своему – подвергаться опасности»¹.

«История» многолика. Есть «история» стариков, «история» писателей, «история» политиков. Выражение «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло» вполне применимо к исторической интерпретации. История оказывается зачастую весьма пластичной и податливой в умелых руках изощренной экзегезы.

Сегодня на Историю брошена тень Идеологии. Поэтому есть марксистская «история», демократическая «история», националистическая «история» и множество других «историй». Само слово «история» неравномерно «распределено» на бесконечной шкале, одним полюсом которой является «историческая наука», а другим – личная, индивидуальная, «атомарная история». Понятие «история», как ни одно другое, в последние годы было подвержено инфляции, деноминации и откровенной мистификации.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы с помощью герменевтического подхода прояснить глубинный смысл этого важного, «осевого» понятия человеческой культуры.

«История» – слово греческого происхожденияⁱⁱ. Описательная история, основанная греками, – это своего рода летопись «постороннего», «наблюдателя», «соглядатая», стремящегося к «объективности» изложения событий. *Pater historiae*, Геродот, стремился к точной передаче «фактического материала», однако, сообщал и о том, что даже ему казалось не вполне правдоподобным. Описывая Скифию в четвертой книге своей «Истории», Геродот соединяет подчас историческое и этнографическое с мифологическим и фантастическим: «... выше исседонов живут одноглазые мужи – аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих – гипербореи, достигающие моря»ⁱⁱⁱ. Возможно, именно за такую гиперисторическую скрупулезность Фукидид^{iv} назвал Геродота «логографом», что можно в данном контексте перевести как «всеядный», «аисторичный».

Но, как бы то ни было, именно греками впервые и была создана историческая, исследовательская «степень письма», выводящая исторический дискурс^v за пределы мифа, эпоса, логографии. История, удаляясь от мифа, рождает уже чисто научный дискурс – историографию. Письмо есть условие исторического дискурса. Письмо есть условие науки вообще. Деррида в «Грамматологии» показывает это со всей очевидностью: «письмо не только является вспомогательным средством на службе науки – и возможным ее объектом – но прежде всего, как показал Гуссерль в «Началах геометрии», условием возможности идеальных объектов и поэтому научной объективности... Прежде чем стать объектом истории – исторической науки – письмо открывает поле истории – исторического становления. И первое (*Historie* – нем.) предполагает второе (*Geschichte*)»^{vi}.

Уже во времена Аристотеля под термином «история» (*ιστορια*) подразумевали историографию в качестве самостоятельного литературного жанра. В латинском слове *historia* еще больше акцентирована исследовательская составляющая, это прежде всего «исследование, разведывание, историческое сочинение»^{vii}. Например, в трактате Плиния Старшего «*Naturalis Historiae*» (Естественная история) «история» – прежде всего свод научных наблюдений, эмпирических фактов, знаний о природе. Хотя в сочинении Плиния и присутствуют еще элементы фантастики и анекдотичности, тем не менее, в латиноязычной культуре появляется совершенно новый тип исследователя, *homo historicus*, «человек, сведущий в истории». Так «история» конституируется как теоретическая дисциплина, но в то же самое время и как предмет этой дисциплины, сохраняя эту двойственность как в европейских, романо-германских языках, так и в славянских языках, хотя и с минимальной степенью рефлексивности. «История – слово, принятое от древних почти во все европейские языки, вообще в значении того, что было или есть, в противоположность сказке или басне»^{viii}.

Уже в классическую эпоху, в Греции, история «освобождается» постепенно от мифа^{ix} и эпоса^x благодаря логосу^{xi}. Несомненно, что История своим происхождением обязана прежде всего Логосу, хотя «логос» изначально выражал весьма широкий спектр смыслов (от «сказки» у логографов и Ксенофана, до «мирового закона» у Гераклита), что очевидно в плане деривации^{xii}. Тем не менее, непреходящее непродуктивное в эвристическом смысле значение, «логический», т.е. ясный, разумный, было жестко закреплено за рациональным дискурсом. «Логический», «рассудительный», «разумный» – таков оказался синонимический ряд, на основе которого стало строиться историческое знание. Термин «логика» явился словом-символом, словом-идеологемой европейского типа рациональности. Формальным, но по сути и фундаментальным отличием мифо-эпического измерения от исторического оказался переход от эпоса как стихотворной формы (метрической, ритмической) к историческому тексту, имеющему прозаическую форму.

Несмотря на рационалистическую «эмансипацию» Истории от Мифа и Эпоса посредством Логоса, историческое знание изначально сталкивается с серьезными проблемами терминологического и методологического характера по причине скудости технической терминологии. Фактически только «история» и «ис-

ториография» являются универсальными базисными терминами. Шаткость и неопределенность термина «история» для специалиста вполне очевидна, что и констатирует Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени», в п.73 «Расхожая понятность истории и событие присутствия».

Указывая на то, что выражения «история» и «исторический» многосмысленны, Хайдеггер попытался выявить основополагающую двусмысленность «исторического» как некоего событийного континуума и одновременно системы знаний об этом континууме. «Ближе всего лежащая, часто замечаемая, однако, никак не «случайная» двусмысленность термина «история» заявляет о себе в том, что он подразумевает как «историческую действительность», так и возможную науку о ней»^{xiii}.

Итак, «история» есть означающее как для «исторической науки», «науки об истории», так и для объекта этой науки, «исторической действительности». В этом двусмысленном положении «история» обосновалась и укоренилась сначала в латинском языке как *historia*, в английском как *history*, во французском как *histoire*, в немецком как *Historie* и в русском как история^{xiv}.

Более того, «история» является означающим для трех, а не для двух денотатов. Этот знак целомудренно / бесстыдно прикрывает некий «трехслойный», «трехчастный» смысл: во-первых, это некоторая совокупность событий, «фактов»; во-вторых, сообщение об этих событиях, устные /лат. *Narratio*/ или письменные /лат. *Scriptio*/: в-третьих, наука, изучающая «события» и «сообщения о событиях»^{xv}.

Таким образом, термин «история» применяется для обозначения трех различных разноуровневых сфер: онтической («события»), дискурсивной (те или иные способы «описания событий»), метадискурсивной (теоретизация, концептуализация «совокупности событий и их описаний»). И все это – «история».

Очевидно, что этот термин не аутентичен в применении к «историческому вообще». В попытке преодолеть неуклонную тенденцию к инфляции основного термина, в исторической науке (истории) употребляются такие деривационные термины, как «историческая эпоха», «историческое событие», «исторический документ», «исторический факт», «историография», «историческая теория», «историческая наука» (т.е. совокупность теорий и методов и проч.). Однако все эти понятия изначально, концептуально и идеологически, «нагружены» непрозрачным концептом «история», не говоря уже о методологическом противостоянии различных школ и направлений исторической мысли, разнообразия интерпретаций (теологических, эволюционных, социологических, герменевтических, позитивистских, феноменологических и многих других).

Знаковую оболочку, «означающее», необходимо «расслоить», ибо тень тавтологичности присутствует и затемняет смысл как основного, так и производного понятий. Единственный европейский язык, который смог отчасти решить эту отнюдь не формальную терминологическую проблему (но, по сути, методологическую) – немецкий язык.

Наряду и «вслед» греко-латинской терминологической матрице *ιστορια-historia* (рассказ / исследование), продуцирующей немецкий термин *Historie* (рассказ; история / наука)^{xvi} возникло «автохтонное», параллельное, чисто немецкое «терминологическое древо», происходящее от немецкого глагола *geschehen*^{xvii} – происходить, случаться, совершаться. Далее следует ряд субстантиваций: *Geschehen* – событие, *Geschehnis* – происшествие, случай, событие, и, наконец, *Geschichte* – 1) история, происшествие; 2) история, рассказ, повесть; 3) история /наука/^{xviii}.

История как *Geschichte* в современной немецкой научной литературе означает некоторую совокупность фактов, выстроенную в хронологическом порядке^{xix}. В работах по философии истории также в качестве базисного термина используется понятие *Geschichte*^{xx}. Окончательно фон обыденного языка устраняется введением сциентизированного термина *Geschichtswissenschaft* – историческая наука.

Фундаментальное различие немецких терминов *Historie* и *Geschichte* ясно проявляется в титульном названии одной из работ выдающегося историка 19 в., официального историографа Прусского королевства, одного из основоположников исторической герменевтики, Леопольда фон Ранке. В пятитомнике: *L. V. Ranke: Aus Werk und Nachlas. 5 Bande, Oldenburg, 1964* – второй том носит такое название: *Band 2: Uber die Epochen der neueren Geschichte. Historisch-kritische Ausgabe*. Это можно перевести следующим образом: «Об эпохах новой истории. Историко-критическое издание». Здесь отчетливо видно, что *Geschichte* обозначает определенный период исторического времени, близкого физическому времени, «подвластного» некоторому описательному дискурсу. Словосочетание *historisch-kritische* указывает на рефлексивный, критико-аналитический дискурс. Таким образом, «тело» истории – *Geschichte* – подвергается изучению и истолкованию на основе герменевтической экзегезы (*historisch-kritische*).

С помощью разделения греко-латинского концепта «история» на *Historie* и *Geschichte* немецким историкам и философам удалось разграничить эмпирическую, описательную, процессуальную плоскость исторического (*geschichtlich*) и критическую, методологическую, аналитическую форму ее рецепции и истолкования (*historisch*).

Так, уже в конце 19-го века в Германии многие мыслители вполне ясно осознавали не только концептуальную, но и терминологическую сторону проблемы интерпретации истории. Вильгельм Дильтей подверг серьезной критике пан-рационализм в истолковании исторического процесса гегельянского и неогегельянского толка, а также логико-методологический подход в целом. Вместо «теоретического разума» объектом

его исследований становится «историческое сознание». Он определяет его структуру, выявляет наиболее продуктивные интерпретативные возможности и окончательно конституирует его в сфере гуманитарного знания, в области так называемых «наук о духе», *Geisteswissenschaften* отличной по предмету и методу от естествознания, *Naturwissenschaften*^{xvi}.

Поиски национальной идентичности всегда сопровождаются острым интересом к прошлому, к «истории». В такие моменты не довольствуются официальной трактовкой исторического прошлого, в результате чего появляется множество конкурирующих интерпретаций одного и того же события и даже факта. Интенсивность таких разысканий «истинной истории», «подлинных фактов» переплетается с параллельным, «эмоциональным» течением исторической мысли. Исследование часто неотделимо от сознательной/бессознательной фальсификации. Симптоматично, что в немецком языке «фальсификатор истории» и «историк-исследователь» соседствуют в словарном ряду^{xvii}.

Нередко «историческое изыскание» сильно затемняется эмоциональным, индивидуально-психологическим, конъюнктурно-политическим оценочным фоном. Иногда создается впечатление, что на страницах современных «историй» остается отпечаток тени Государя, Властителя дискурса, Идеолога, стоящего за плечом пишущего «историю» «историка». Иногда же случается разглядеть на тех или иных страницах следы капель то ли «кваса», то ли брызг, оставленных «голосом крови».

Этот путь уже давно пройден во многих странах. Особенно важен историко-критический опыт Германии, где после объединения мелких княжеств-государств в 19 в. последовал раздел страны в середине 20-го в., и вновь последовало объединение страны в 90-е годы. Благодаря развитию герменевтической методологии в Германии в конце 19 в. - начале 20 в. в исторической науке и в философии истории стало возможным движение «по ту сторону» от объективизма и субъективизма в исследовательской практике. Историческое сознание, фундированное герменевтической интенцией, позволяет открывать горизонты как прошлого, так и настоящего, иницируя историческую практику на пути создания эффективных институтов национальной государственности.

В этом смысле соотношение и демаркация понятий *Historie* и *Geschichte* может открыть новые перспективы аутентичного исследования исторического процесса, формирования исторического сознания и самосознания любой страны, избравшей независимый и самостоятельный путь развития. Только различение истории как события /*Geschichte*/ и истории как рефлексивной теоретической дисциплины /*Historie*/ может позволить человеку / субъекту не оказаться поглощенным событийным / историческим потоком, сохраняя экзистенциальную и теоретическую независимость от события-объекта. Либо мы истолковываем Историю, либо она нас.

ⁱ Державин Г.Р. Избранная проза. – М., 1984. – С.369.

ⁱⁱ Греческое слово *ιστορια* первоначально означало – «рассказ, описание» и происходило от глагола *ιστορειω* – «рассказывать, узнавать, исследовать». В классической Греции уже существует термин *ιστορικος* – «историк». С этого времени нарастает тенденция употребления слов с компонентом «исторического» как синонимичных «ученому», что усиливает коннотацию «исследования, изучения, систематизации, структурирования», т.е. историк занимается «тэхне», но не в технологическом предметно - операциональном смысле, а в интеллектуальном. В русском языке «строка» и «строчка» «текстуальны» в обоих смыслах и встречаются как в «текстильном» деле, так и в «текстовом»; основа у них общая, «текстура». Ткацкий станок, *ιστοζ*, служит для того, чтобы сплести отдельные нити в единое целое, «ткань». Историк также сплетает «нити» отдельных историй в одно целое, он создает «историческое полотно».

ⁱⁱⁱ Геродот. История. IV, 13.

^{iv} Фукидид осуждает «логографов», писателей-прозаиков, стоявших у истоков исторической науки. Он не доверял «...ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха». – Фукидид. История – М. – Т.1. – 1915. – С.163, [1.21].

^v Под «историческим дискурсом» здесь подразумевается язык, описывающий события, исходя из них самих, без привлечения «мета-языка» мифологических генеалогий и политических идеологем.

^{vi} Derrida J. *Grammatology*. S. 1978. p.27.

^{vii} Латинско - русский словарь. Сост. Шульц Г. СПб., 1877.

^{viii} Даль В. Толковый словарь. – М., 1981. – Т.2. – С.61.

^{ix} *μυθος* – слово, речь, сказание. Уже у Ксенофана /570 - 480 гг. до н.э./ миф становится синонимичным «сказке», «побасенке», «фантастической истории», *μυθωδης* – баснословный, сказочный, «мифический». Однако мифу всегда присуща некоторая «интерпретативная» моделирующая функция, способная достаточно эффективно классифицировать, систематизировать и интегрировать вещи и явления с явной тенденцией к генеалогическим, деривационным схемам. Миф – это всегда парарациональное объяснение, система мысли. Одно из главных отличий греческого «мифа» от греческой «истории» состоит в том, что миф обращен сначала к небу (космогонические мифы, астральные, солярные, лунарные), а затем к земле; история ориентирована на «дела земные».

^x *επος* – слово, речь, стих. Эпические произведения Гомера, Гесиода и их последователей и подражателей (произведения которых объединяются под рубрикой «эпический цикл»), характеризуются широкомасштабностью, «тотальностью», что сближает их с неизменной тенденцией исторического дискурса к исчерпывающему описанию «ойкуменического», а затем и всемирно-исторического процесса. Фундаментальным отличием эпического описания от исторического является прежде всего поэтическая форма эпического произведения. Подавляющая часть эпических сказаний записана гекзаметром, кроме того, основной текст ритмически перемежается стереотипными повторами, по сути, мнемоническими формулами, поскольку запоминался он в устной форме и передавался из поколения в поколение аэдами, профессиональными певцами-сказителями (вольно или невольно они же были и интерпретаторами основного текста). Помимо всего прочего, эпос исполнялся в музыкальном сопровождении. Эпос апеллирует к чувству и вкусу. Он патетичен и эстетичен. Миф и история в эпосе синкретичны.

^{xi} *λογος* – из-за своей изначальной многозначности и смысловой энигматичности, вне контекста это понятие аутентично не может быть переведено. Список основных значений дает представление о смысловом континууме «логоса»: собирать, упорядочивать в отношении любой функции человеческого мышления; слово вообще; беседа; суждение; поговорка; приказ; решение; фантастическая сказка; реалистическое повествование; в драме логос означал диалог действующих лиц в отличие от хорового пения; в математике – вычисление, в частности обозначение соотношения, выражающего деление без остатка двух чисел; в грамматике – изречение; см. Словарь античности. – М., 1989. – С.321. Введя понятие «логос» в философский лексикон, сделав его многократно «обращаемым», «экономичным», Гераклит многократно умножил количество его значений. Теологическая рецепция «логоса» у Филона Александрийского дает такие значения: «образ Бога»; «второй Бог»; универсальный посредник между трансцендентным и мирским, Богом и человеком.

^{xii} Например: *λογισμος* – рассуждение, рассудок. В противоположность этому: *λογολοιεω* – сочинять, выдумывать.

^{xiii} Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – С.378.

^{xiv} Эта двойственность, «двузначность» зафиксирована в БСЭ следующим образом: «История (от греч. *Historia*) 1) Всякий процесс развития в природе и в обществе. В этом смысле можно говорить об И. мироздания, И. Земли, И. отдельных наук... 2) Наука, изучающая прошлое человеческого общества во всем его многообразии, которое познается с целью понимания его настоящего и перспектив в будущем». БСЭ. – Т.10. – 1972. – С.575. Любопытно, что это материалистическое определение совпадает с феноменологическим, которое мы обнаруживаем у Хайдеггера: «Что «имеет историю», пребывает во взаимосвязи становления. «Развитие» при этом есть то восхождение, то падение. Что таким образом «имеет историю», способно вместе с тем таковую «делать». «Делая эпоху», оно «в настоящем» определяет «будущее». – Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – С.378.

^{xv} Латинский термин *Narratio* (от *narro* – рассказывать, сообщать, повествовать, говорить) вошел в словарный фонд европейской культуры, но сфера его применения оказалась весьма узка, профессиональна (этнография, фольклористика, мифологические исследования и некоторые другие дисциплины). Англ. *narration*, фр. *narratio*, нем. *Narration*, совершенно ясно указывают на устное, звучащее слово, не всегда адекватно воспроизводимое в плоскости письма. В отличие от «письменного сочинения» – *scriptio, narratio* – это устная речь. Отсюда и два функциональных культурных типа *narrator* и *scriptor*. Гомер и аэды, несомненно «нарраторы», Гекатей и другие «логографы» – это «скрипторы». Геродот с оговорками, а Фукидид уже окончательно – «историки» (*historicus*).

^{xvi} Немецкий термин *Historie* обладает двумя основными значениями, унаследованными от греко-латинской традиции: 1) рассказ и 2) история как наука, как сумма (а позже – система) знаний о прошлом, именно из второго значения выводятся термины *Historiografie*, т. е. научный анализ и описание первоисточников; *Historiker* – историк, описывающий и исследующий историю. Впрочем, есть еще один малоупотребимый термин для означивания истории – *Historik* – история как наука. Теоретические, концептуальные импликации понятия *Historie*: *Historismus* – историзм, и *Historizitat* – историчность.

^{xvii} Глагол *geschehen* – происходить, случаться, совершаться – порождает как субстантивацию «локальной» событийности: *Geschehnis* – происшествие, случай, событие; так и субстантивацию «тотального», «эпохального» плана – *Geschehen* – событие (важное, великое событие). См., например, хрестоматийное выражение: «Это вошло в историю» – *Das ist in das historische Geschehen eingeordnet*.

^{xviii} Понятие *Geschichte* – 1) история, происшествие; 2) рассказ; 3) история как наука обретает научный статус, имея вполне «профанное» происхождение в сфере обыденного языка. Во втором значении, как «рассказ», *Geschichte* синонимично *Erzahlung* – рассказ, повесть. *Geschichtenerzahler* – соединяет в себе «историю» и «наррацию», ибо это «рассказчик», «тот, кто рассказывает историю». *Geschichte* – это «наррация», захваченная духом тотальности, это «бесконечная история»; это и «сказанное», и то, «о чем» сказывается, *Geschehen - Geschichte*, это некое «поле событий», событийность в своей тотальности, вечно «бытийствующее», «происшедшее – происходящее», «прошлое, толкующее нас» /Э. Соловьев/.

^{xix} «Школьный» исторический жанр отражен в термине *Geschichtsbuch* – книга по истории, учебник истории, «хрестоматийная история». Например, *Schuller W. Griechische Geschichte. Oldenburg. 1995* [Шуллер В. Греческая история. Ольд. 1995], *Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. Oldenburg. 1995* [Герке Х.-Й. История эллинизма. Ольд, 1995] и т. д.

^{xx} См. *Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich. 1949*. В русском переводе – «Истоки истории и ее цель» (В кн. Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М., 1994).

^{xxi} Согласно этой схеме дихотомии научного знания, мы могли бы «разместить» «Историю» Геродота, «Изложение событий» (*Histories Apodeixis*) в рубрике *Geisteswissenschaften*, а «Естественную историю» Плиния (*Naturalis historia*) в рубрике *Naturwissenschaften*.

^{xxii} *Geschichtsfalscher; Geschichtsforscher*.